Текст · 18 августа 2019, 16:24
Полина Глухова, Оля Ромашова,

«И они начали меня крутить». Чем закончился обыск в ФБК для инженера из соседнего офиса, который не вовремя вышел в коридор

В тот день мне позвонил отец, я был на работе. У нас соседний офис с ФБК. Исходя из культуры поведения на рабочем месте, мы выходим из офиса разговаривать по личным вопросам. Мне позвонил отец, я был в вакуумной гарнитуре, вышел поговорить к зоне туалетов.

Когда я выходил, у офиса ФБК никого не было, коридор был свободный. Я стоял в зоне уборной. Думал, что закончу разговор, а потом в эту уборную схожу. Разговаривал по телефону. В какой-то момент появилось человек, наверно, 20, из них шесть-семь человек в масках без каких-либо опознавательных знаков, без жетонов, без надписей на одежде. Я как стоял, так же там и стоял.

В руке держал телефон, причем он был развернут экраном больше ко мне.

Через какое-то время я увидел, что один из сотрудников начал приближаться ко мне. Далее я снял один наушник и услышал от него: «Прекратите видеосъемку». Я ему сказал, что я не снимаю, я разговариваю по телефону. На что он мне сказал: «Вы что, не поняли?» — и произошло резкое движение. Он

оказался в сантиметре от моего лица. И я выставил руку внешней стороной локтем вперед и сделал шаг назад, он уперся в мою руку. На что мне было сказано: «О-о, нападение на полицейских?» — или как-то так он сказал. И они начали меня крутить.

Embed Wrapper Not Realised
Embed WrapperYT Not Realised
Embed YT Not Realised
Embed Comment Not Realised
Задержание Ивана Ульянова. Видео: Штаб Навального

В это время я все так же продолжал разговаривать с отцом, и он частично слышал сумбурную эту возню. И опять же, надо уточнить — даже есть видео в сети — никакого оцепления не было, люди продолжали ходить в туалет. Мой коллега по работе, когда я только снимал наушник — на видео видно — проходил в туалет, проходил через дверь ФБК. Они никому не говорили, что нельзя там проходить.

Меня скручивали минуты три. В этот момент как раз мой коллега пытался выйти из туалета — по видео видно, ему двери закрывали.

Скручивали минуты три, били по ребрам, досталось и глазу. Сначала я кричал: «Что вы творите?». Потом, дабы привлечь внимание, так как не было осознания, что это сотрудники правоохранительных органов, я начал просто орать.

И дальше я лежал лицом в пол минут 15-20. Никого не подпускали, хотя люди продолжали ходить в туалет. Я возле них лежал, а народ продолжал ходить.

Далее после этого они меня поставили к стене, ну, и начали ждать наряда ППС. Ко мне никто не мог прорваться из моих коллег, они никому не позволяли вступать со мной в разговор. Не давали ответить на телефонные звонки — отец продолжал звонить. И там было достаточно большое количество людей в штатском, но в очках темных и масках, которых интересовало только то, что творилось у ФБК.

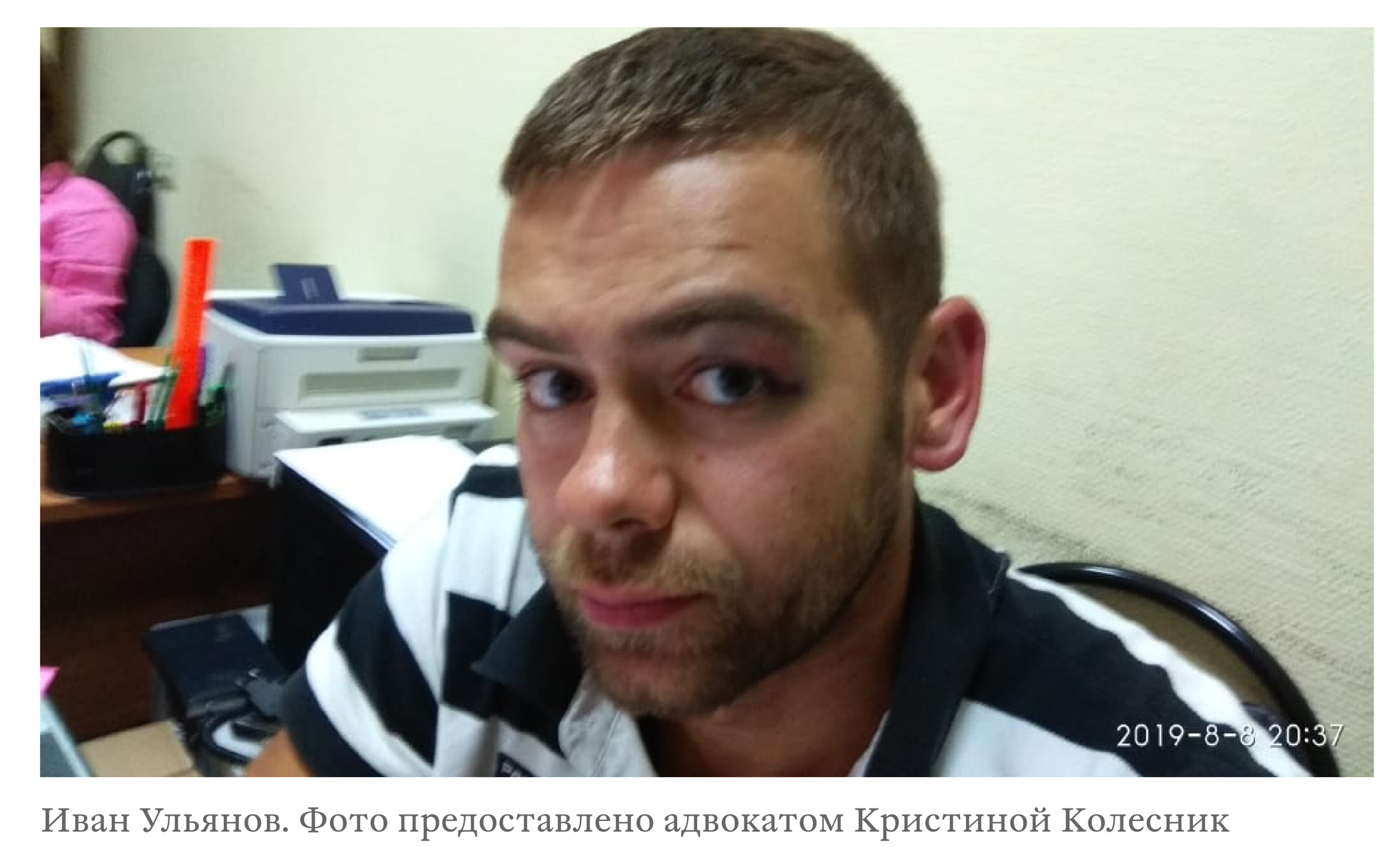
Был один из юридически подкованных людей, который все сфотографировал и все говорил: «Вы его не по праву задерживаете. Если что, я это все уже выложил в сеть». Он успокаивал меня, говорил: «Успокойся». Я так понял, что он был как понятой при обыске ФБК.

Далее они дождались, когда приехал наряд ППС[1]. Они сказали, что никуда меня сопровождать не будут, пока не будет... Они несколько раз отходили разговаривать с людьми в масках. Я так понял, вызвали следователя или опера из ОВД, к которому это все прикреплено — ОВД «Даниловский» — и дождались. Приехали двое людей — следователи или опера из Росгвардии. Они тоже все уходили за дверь, там обсуждали. Я отрывками фраз услышал, что там было: «Не беспокойся, та камера, которая у туалета, ничего не засняла». Они там пытались затереть видео.

Потом опять же мои сотрудники пытались пройти на охрану и взять ролики [с камер наблюдения]. Им охрана сказала, что все затерто. Им сначала сказали, что только с разрешения директора компании [можно получить записи]. Они без проблем взяли разрешение директора компании и пришли туда еще раз,

но им сказали, что с двух камер, которые нас интересовали, видео нет. Опять же, до этого туда ходили вот эти следователи Росгвардии к охране и рассматривали камеры. Они беспокоились за ту камеру, с которой еще больше видно, что я не делал никаких [противоправных] действий.

И второе — они, наверное, не ожидали, что одна камера засняла видео, но они понимали, что это видео может попасть в сеть. Они для суда сделали отрезок, лишь только когда они меня скручивают. Вот это вот действие инстинктивное — когда к человеку резко подходят, выставляется рука. Они засняли только этот момент, только первые секунд десять, как меня скручивают. Они, видимо, не ожидали, что в сеть попадает видео, где все начинается с приближения. Что я стою минимум в 10-12 метрах от офиса ФБК, что я вообще не имею к этому отношения.



Иван Ульянов. Фото предоставлено адвокатом Кристиной Колесник

Они говорили, что я делал шаги в сторону офиса, но я там стою на месте и шагов в сторону офиса вообще не делаю: я как стоял возле туалета, так и стоял. Потом: там написано, что я размахивал руками, но у

меня в руках был телефон. Я руками вообще никаких манипуляций не делал. По поводу ударов в грудь: наверное, 95% людей, если к ним резко подойти в их зону комфорта, ближе, чем на десять сантиметров — человек инстинктивно выставляет руку. А они акцентировали, что это был удар в грудь сотрудника. Как люди могут бить внешней стороной предплечья? Странно, конечно. Еще они утверждали, что я до того, как меня начали скручивать, нецензурно выражался в их сторону, хотя отец разговаривал со мной по телефону и может подтвердить, что ничего этого не было. Но в суде ходатайство о запросе на детализацию разговора не стали принимать.

Их было шесть человек, точно не могу сказать, в какой момент была получена травма именно глаза, потому что все было суматошно, народу было много — либо кто-то мне успел локтем засадить, либо когда меня повалили лицом об кафель. Когда я уже лежал на земле, меня продолжали бить ногами по ребрам, по ногам, причем даже после того, как были надеты наручники и я не сопротивлялся, не двигался, они продолжали наносить удары. Когда меня подняли и поставили к стенке, подошел некий понятой, который заснял и сказал, что выложит видео, как меня неправомерно задержали. Я с ним перекинулся парой фраз, а меня после этого так зажали в наручники, что они потом эти наручники снять не могли. Чтобы снять наручники, нужно их еще немного поджать, а они этого не могли. У меня до сих пор на руках кожа стерта из-за того, что они пережали так. До сих пор болит голеностоп в силу того, что они вшестером навалились и мне кто-то встал на ноги всем весом. Плечо болело — возможно,

из-за того, что они вывихнули мне руку в самом начале.

Меня привезли в ОВД «Даниловский», причем из сотрудников Росгвардии лишь только один человек поехал, как могли свидетельствовать два человека? Непонятно, как они потом в протоколе появились. Слышал из кабинета отрывки фраз одного из оперов или следователей, который говорил: «Я фамилии своих сотрудников указывать в протоколе не буду». В ОВД, когда составляли протокол о задержании, был только один сотрудник Росгвардии, хотя рапорта оказалось два. В суд их не пригласили, протоколы были написаны под копирку, предполагаю, что одним человеком.

Embed Wrapper Not Realised
Embed Wrapper Not Realised
Embed Wrapper Not Realised
Embed Wrapper Not Realised
Embed Comment Not Realised

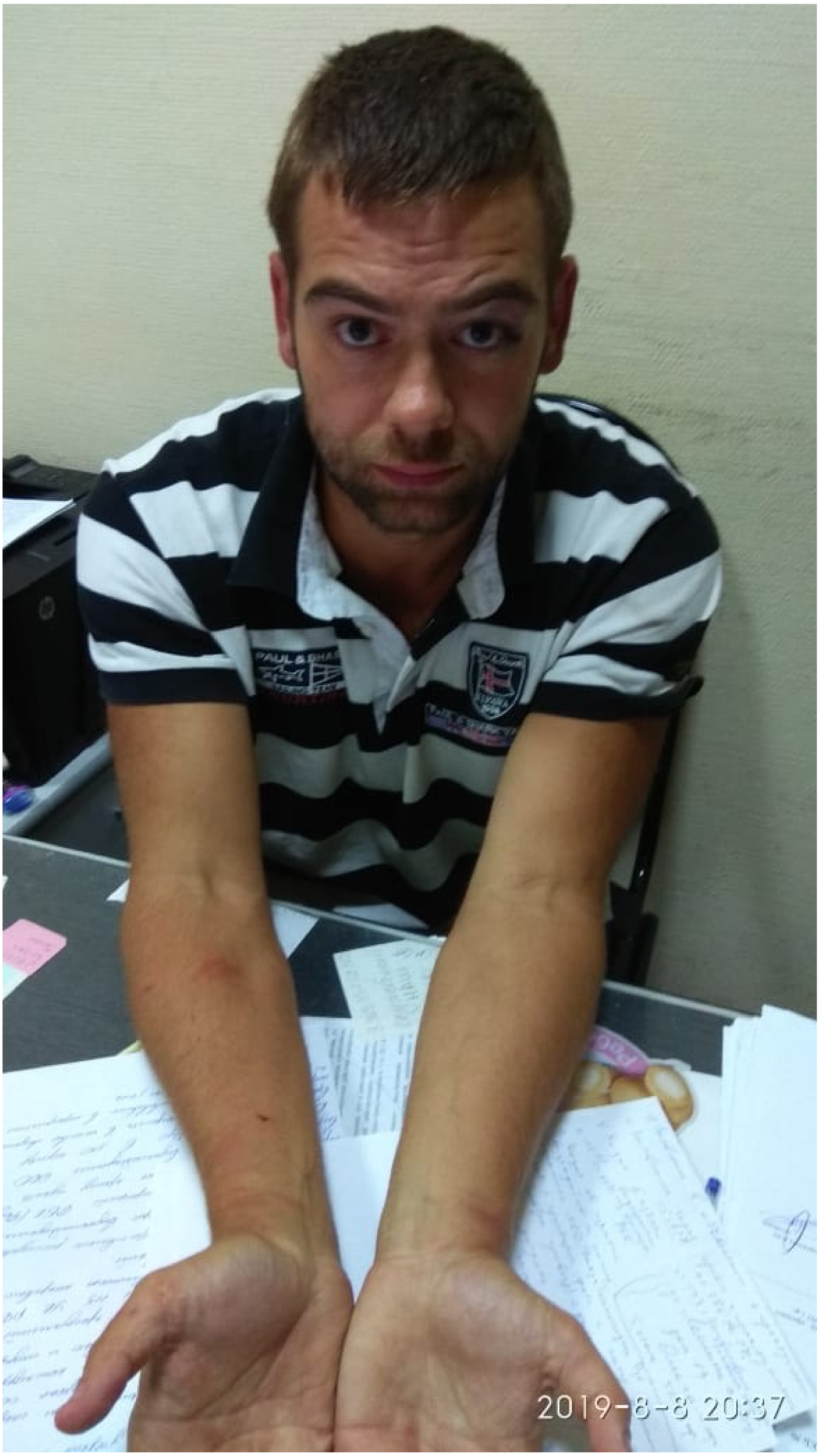
Было сразу понятно, что судья достаточно надменно на все это смотрит. Был конец рабочего дня, она сказала, что особо не ела, после этого с помощником удалилась. Как такового времени на проведение процесса не было, через 40 минут нам выдали постановление окончательное. Я предполагаю, что сильно не раздумывали *(смеется)*.

Когда я общался уже в спецприемнике с теми, кто по подобным статьям был задержан, некоторые говорили, что у них от момента фразы «Суд удаляется на принятие решения» до вынесения распечатанного постановления проходило две минуты. У меня удалились на 40 минут, потому что они до восьми

вечера без обеда вели дела. Они удалились покурить там, покушать.

Задержание было изначально в 11:20, в ОВД меня доставили где-то в час, только часов в шесть вечера меня повезли на медосвидетельствование — только после того, как адвокаты настояли, причем они несколько раз настаивали.

В первый день в спецприемнике меня подселили к четырем курящим, а я некурящий, негативно к этому отношусь. Из ОВД меня привезли без документов, в итоге свозили еще раз в травмпункт, потому что без справки о побоях я не мог явиться в спецприемник, когда у меня на лице были синяки. По идее, ОВД должно было позаботиться о справке заранее, но [там] халатно к этому отнеслись, и меня еще несколько часов в ожидании держали. В итоге меня привезли к часу ночи, и в спецприемнике сказали, что сейчас не будут разбираться, кто курящий, а кто некурящий. Я в курящей камере провел ночь, утром до осмотра я высказался, что я не курю, мне здесь тяжеловато, и меня через час перевели в камеру для некурящих, там находился только один человек. За все семь суток в спецприемнике меня не пускали помыться, ссылаясь на распорядок. Мне в самый последний день мыться было уже, конечно, бессмысленно. Могли бы подойти более человечно, учитывая, что моего сокамерника водили помыться.



Иван Ульянов. Фото предоставлено адвокатом Кристиной Колесник

Я занимаюсь спортом, и во время часовых прогулок делал упражнения. День на четвертый у меня снова начали болеть ребра, причем так, что спать было некомфортно. На утреннем осмотре я пожаловался, что болят ребра, болит бок, на что мне ответили перевернуться на другой бок. Я позвонил своим адвокатам, на следующий день приехала адвокат, сказала, что нужно медосвидетельствование. В итоге на следующий день тот же проверяющий спросил, у кого какие проблемы, я повторил, что у меня болят ребра. На что мне было сказано: «Что ж вы вчера об этом не говорили?». Я ему напомнил — по лицу было видно, что он вспомнил. В итоге в этот день меня осматривал врач, врач толком ничего сказать не могла, к тому же ребра — дело такое, кроме рентгена, наверное, ничто не скажет, есть там трещина или нет. А в травматологии до этого, хоть я и жаловался на резкую боль, врач не назначил рентген. В итоге они вызвали скорую помощь, врач скорой меня пропальпировал и сказал, что есть подозрения на трещину или закрытый перелом, высказал рекомендацию обязательно отвезти в травматологию и сделать рентген.

Через пару часов они прислали наряд ППС с Даниловского ОВД, меня в сопровождении одного пэпээсника прикованного к нему наручниками отвезли в травматологию и сделали рентгены. К счастью, никаких трещин не нашли. Врач мне объяснил, что при такой травме боль может местами усиливаться до четырех недель. Не знаю, насколько законно административно арестованных конвоировать в наручниках, не уточнял у адвоката. Малоприятно, когда в очереди [в поликлинике] ты

стоишь с конвоем в наручниках, а там женщина какая-то сказала своим детям: «Будете себя плохо вести — будете, как этот дядя, сидеть в тюрьме вместе с бомжами».

Не совсем понятна сейчас позиция властей: без разбора тащить людей под одни статьи. После этой ситуации люди с моей работы, которые никогда не ходили на митинг — они пошли. Власть сама же себе наживает противников на ровном месте. Хотя с другой стороны, разберись они в ситуации, что я не отношусь к офису ФБК и не делал никаких действий в сторону Росгвардии, вынеси оправдательное постановление, они бы, наверное, сторонников только заимели. У меня было мнение, что у нас более справедливый суд, чем о нем говорят.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Патрульно-постовая служба полиции